

Глава 13. Тринадцать миллионов

— Перестань потакать его капризам, — Нин Цзань слегка подтолкнул Си Шэньчу плечом.

— А что такое капризы? — Лэлэ тут же сунул свой любопытный нос прямо к лицу отца.

— Вот то, чем ты сейчас занимаешься, — Нин Цзань потянулся к сыну и шутливо щелкнул его по кончику носа. — И почему ты так привязался к дяде Си? Уселся на плечи и слезать не хочешь.

Малыш, всё еще обнимавший Си Шэньчу за голову, смутился. Он долго сопел, подбирая слова, и наконец пробормотал:

— Ну... наверное.

— Какое еще «наверное»? Самый настоящий упрямец. Стоило дяде Си протянуть руки, как ты тут же к нему прыгнул и до сих пор висишь, — притворно нахмурился Нин Цзань.

Си Шэньчу переглянулся с ним, тихо усмехнулся и ласково сжал пухлую детскую ножку:

— Ну что, Лэлэ, всё рассмотрел? Спускаться будешь?

— Буду! — тут же согласился тот.

Си Шэньчу бережно снял мальчика со своих плеч и легко, словно тот ничего не весил, перехватил поудобнее, прижимая к груди.

Нин Цзань посмотрел на эту непринужденную силу с легким вздохом зависти. Сам он тоже мог без труда носить сына, но лишь поначалу. Стоило пройти паре десятков метров, как руки начинали затекать, спина ныла, и приходилось искать любой предлог, чтобы опустить маленького непоседу на землю и перевести дух. Си Шэньчу же, продержав ребенка на руках столько времени, даже не запыхался.

— Папа, возьми меня, — Лэлэ требовательно протянул к нему короткие ручки.

— Ого, с чего вдруг такая нежность? — поддразнил его Нин Цзань, нарочно пряча руки за спину.

Малыш мгновенно покраснел до кончиков ушей и зашептал:

— Писать хочу...

— Ах ты хитрюга, так вот почему ты решил спуститься, — рассмеялся Нин Цзань. Он ласково ущипнул сына за щеку и уже потянулся, чтобы забрать его, как вдруг в кармане запел мобильный. На экране светился незнакомый номер.

— Скорее всего, со студии, — пояснил он и поспешно ответил на звонок. Чутье его не подвело: на том конце провода просили поторопиться. — Съёмки вот-вот начнутся. Мне пора бежать. Отведу Лэлэ в уборную, а вам, господин Си, тоже не стоит терять время. Занимайтесь своими делами.

Закончив разговор, он подхватил притихшего ребенка и поспешил к выходу.

Когда они вернулись, Си Шэньчу уже ушел. Нин Цзань вздохнул с облегчением и, не тратя времени на лишние думы, поспешил за кулисы.

Съёмки еще не начались, хотя главный гость программы уже прибыл. Почти все сотрудники суетились на сцене, и в гримерной зоне дежурило лишь несколько человек.

Приняли Нин Цзаня вполне дружелюбно. Правда, при виде маленького Лэлэ у многих во взгляде вспыхнули искорки любопытства — люди явно жаждали свежих сплетен, но никакого негатива не проявляли. Обычный праздный интерес.

— Господин Нин, вот ваш сценарий, просмотрите его вкратце, — вежливо обратилась к нему одна из ассистенток, протягивая тонкую папку. — До вашего выхода еще минут сорок. Ведущий задаст пару стандартных вопросов, можете отвечать прямо по тексту.

Он поблагодарил девушку, забрал бумаги и устроился в свободном кресле.

— Давайте наложим легкий грим, — предложил подошедший визажист с профессиональным чемоданчиком в руках.

— Да, спасибо, — кивнул Нин Цзань, разворачиваясь к зеркалу, и раскрыл сценарий.

Набросок сценария оказался незамысловатым. Вопросы ведущего делились на два блока: первый касался главного гостя, второй — самого Нин Цзаня.

Информацию о герое сегодняшнего выпуска Нин Цзань изучил заранее — Се Цзян прислал ему досье накануне.

Этого актера звали Тао Е. В индустрии он звезд с неба не хватал, но недавно вытащил счастливый билет, сыграв властного босса в популярной современной дораме. Сериал выстрелил, имя Тао Е замелькало в новостях, и продюсеры шоу тут же ухватились за восходящую звезду.

Нин Цзяня же пригласили по двум причинам. Во-первых, его имя последние дни не сходило с верхних строчек поисковых запросов. Во-вторых, пару лет назад они с Тао Е снимались в одной исторической драме, где играли названных братьев — четвертого и пятого по значимости персонажей. Организаторы решили сыграть на этой ностальгической ноте и позвали его в качестве «секретного гостя».

Вопросов, касавшихся Тао Е, в его бумагах почти не было — лишь краткая вводная часть. Сначала ведущий планировал расспросить актера о трудностях на съемочной площадке недавнего хита, затем плавно перевести разговор на начало его творческого пути и только после этого пригласить на сцену Нин Цзяня.

Формат передачи предполагался мягким, без каверзных вопросов и скандальных разоблачений. Бегло просмотрев листы, Нин Цзянь принялся вчитываться в детали.

Все это время над его лицом беззвучно и ловко колдовал гример. Взмахи кистей были настолько точными и невесомыми, что это ничуть не мешало чтению.

А вот Лэлэ, зажатый между коленями отца, начал откровенно изнывать от скуки.

— Папа,пусти меня побегать, — заканючил он, с трудом извернувшись и заглядывая Нин Цзяню в глаза.

— И куда это ты собрался? — не отрываясь от текста, спросил тот.

— Да прямо тут, в комнатке! Папа, я честное слово не буду убегать. Тут так тесно! — Малыш принялся крутиться юлой прямо у него в ногах, нарезая круг за кругом.

У Нин Цзяня от одного этого зрелища зарябило в глазах. Пришлось сдаться:

— Ладно, иди. Но помни: ни шагу за дверь. Договорились?

— Договорились, договорились! — радостно запищал Лэлэ, мгновенно прекратив свое вращение, и ловко выскользнул на свободу через щель между креслом и коленями отца.

Оказавшись на просторе, он сделал два нетвердых шага — голова после карусели ожидаемо пошла кругом — и с негромким «шмяк» растянулся на ковре.

Дежурившая неподалеку ассистентка тут же бросилась к нему:

— Малыш, ты цел?

Лэлэ пришел в себя не сразу. Позволив поднять себя на ноги, он удивленно моргнул и только потом выдал запоздалое:

— Ой... Я что, упал?

— Упал, глупышка, — девушка едва сдерживала улыбку, умиляясь этой сонной реакции. Подавив смехок, она заботливо спросила: — Сильно ударился?

Малыш пощупал пухлое плечико, потом похлопал себя по штанишкам сзади и резюмировал:

— Вроде совсем не больно.

Нин Цзань мельком глянул на сына через зеркало и, убедившись, что тот невредим, спокойно заметил:

— Лэлэ, кажется, ты забыл кое-что сказать.

Мальчик тут же повернулся к своей спасительнице и сладко пропел:

— Спасибо, сестричка!

— Не за что, — окончательно растаяла девушка. Скрывать симпатию к этому очаровательному созданию было выше ее сил. — Папе сейчас нужно подготовиться к работе. Хочешь, мы вместе поиграем?

Услышать в свой адрес заветное «сестричка» вместо скучного «лауреатка» или «тетя» было для нее лучшей наградой.

— Хочу! — послушно кивнул Лэлэ.

Ассистентка отвела его к мягкому дивану в углу и аккуратно усадила на подушки.

Уже через пару минут вокруг дивана собрались все свободные сотрудники гримерки. Кофейный столик перед Лэлэ мгновенно запестрил горами всевозможных сладостей.

— Тебя зовут Лэлэ, верно?

— Да, сестричка! Я Нин Лэлэ. Мое имя значит «радость».

— Какую вкусняшку тебе открыть? Выбирай.

— А можно мне конфетку? — скромно поинтересовался малыш, преданно заглядывая в глаза.

— Конечно можно! У нас тут как раз есть отличный леденец на палочке.

Раздался тихий шорох снимаемой обертки, и яркий чупа-чупс тут же оказался перед носом ребенка.

Малыш на диване неуловимо напоминал Нин Цзаня, только щечки у него были круглее и мягче. Стоило ему улыбнуться, как на лице проступали очаровательные ямочки, а когда он довольно щурил глазки, женская половина коллектива едва сдерживала писк восторга.

Ангельский ребенок с ярким леденцом в руках — зрелище было слишком умилительным. В углу слышались осторожные щелчки мобильных камер.

Нин Цзань не оборачивался, наблюдая за этой сценой через зеркало.

Визажист, заметив его взгляд, негромко успокоил:

— Не переживайте, у нас все ребята надежные. Лишние кадры в сеть точно не утекут.

Нин Цзань тихонько хмыкнул:

— О, я беспокоюсь не об этом. Просто, кажется, мой собственный сын без труда затмил меня. Я и в половину не так популярен.

Когда он сам вошел в гримерку, персонал ограничился лишь вежливыми кивками. Стоило же Лэлэ остаться без присмотра хотя бы на минуту, как его тут же взяли в плотное кольцо обожания.

Уловив иронию в его голосе, визажист улыбнулся:

— Ну, дети всегда вне конкуренции. А уж этот ангелочек — тем более.

Пока они переговаривались, со стороны дивана долетел звонкий детский голосок. Нин Цзань уловил лишь слово «папа», а остальное потонуло в общем шуме.

— Что ты сказал? — переспросил он громче.

Лэлэ послушно повторил свой вопрос:

— Папа, а мне можно конфетку?

Нин Цзань не сдержал смешка:

— Ты ведь ее уже всю лижешь. Зачем теперь-то спрашиваешь?

— Откуда ты узнал?! — потрясенно воскликнул малыш, округлив глаза. — Папа, у тебя что, глаза на затылке выросли?

Нин Цзань улыбнулся еще шире. Он ведь отлично видел, как сын украдкой лизнул леденец, причем перед этим воровато покосился в его сторону. Именно эта детская хитрость и побудила его шутливо вывести маленького заговорщика на чистую воду.

— Перед папой висит огромное зеркало, глупышка, — честно признался он и легонько постучал пальцем по отражению.

Лэлэ посмотрел на сверкающую гладь стекла перед отцом и уныло опустил голову:

— О-о-о...

Видя его разочарование, Нин Цзань смягчился:

— Ладно, угощайся. Но только немного, договорились?

Малыш мгновенно вскинул голову, и его глазки восторженно заблестели:

— Папочка!

— И не забудь поблагодарить тех, кто тебя угостил, — напомнил Нин Цзань.

Лэлэ послушно повернулся к своей свите и затараторил:

— Спасибо, папа! Спасибо, сестричка, спасибо, сестричка, спасибо, сестричка... Спасибо, дядя!

Единственный присутствовавший мужчина-ассистент замер с глупым выражением лица:

— Эй, почему они все сестрички, а я сразу дядя?

Девушки вокруг дружно прыснули. Лэлэ на секунду задумался, забавно задрал голову к

потолку, а затем авторитетно кивнул и исправился:

— Спасибо, братик!

— Ну вот, — со смехом заметила одна из девушек, — теперь Нин Цзань автоматически записан в наши старшие родственники.

— Ха-ха-ха! Ради того, чтобы Лэлэ звал меня сестричкой, я согласна признать его папу хоть дядей, хоть дедушкой! — подхватила другая.

— Господин Нин, главному гостю пора выходить. Вы готовы? — раздался голос помощника режиссера.

— Да, готов. Только... — Нин Цзань оглянулся на диван.

— Не переживайте, мы присмотрим за маленьким сокровищем, — с улыбкой заверила его одна из сотрудниц.

Оставлять ребенка под присмотром здешней команды было безопасно.

— Спасибо вам большое. Лэлэ, води себя прилично, хорошо? Слушайся старших. Папа ненадолго отойдет на сцену — это совсем рядом, я быстро вернусь.

— Хорошо, папочка! Я буду самым послушным! Пока-пока! — весело пропел малыш, вовсю маша ему ладошкой.

— И никакой тоски при расставании, — шутливо проворчал Нин Цзань и направился за кулисы.

Перед самым выходом он остановился в затененном проходе, ожидая, когда ведущий объявит его имя. Из этого полумрака сцена и зрительный зал просматривались как на ладони, оставаясь при этом невидимыми для посторонних глаз.

Нин Цзань скользнул взглядом по трибунам и вдруг замер.

В первых рядах зрительного зала, среди случайных прохожих и приглашенных зрителей, сидел Си Шэньчу.